

Карл Поппер. Знание и психофизическая проблема. В защиту взаимодействия

Книга основана на курсе лекций, прочитанных К. Поппером в университете Эмори в 1969 г., и является первой крупной работой К. Поппера по эволюционной эпистемологии. Здесь впервые дается систематическое изложение единой теории, включающей и противопоставление объективного знания субъективному, и знаменитую теорию трех миров, и ряд существенных положений по проблемам биологической эволюции, и теорию эмерджентной эволюции, и теорию сознания, и, наконец, эволюционную модель развития научного знания.

Карл Поппер. Знание и психофизическая проблема. В защиту взаимодействия. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.

Лекция 1. Знание: объективное и субъективное

Я намерен обсудить два вопроса:

- проблему двух видов знания и отношений между ними: знания в объективном смысле, знания в субъективном смысле; и
- психофизическую проблему, или проблема отношений между сознанием и телом.

Более всего меня интересует объективное знание и его рост, и я утверждаю, что мы не сможем выяснить самую суть знания субъективного, если не обратимся к исследованию роста объективного знания и влияния двух видов знания друг на друга (при котором субъективное знание более получает, чем дает).

Мы живем в мире физических тел и сами являемся физическими телами. Но когда я с вами говорю, я обращаюсь не к вашим телам, а к вашему сознанию. Так что, помимо первого мира, мира физических тел и их физических и физиологических состояний, который я буду называть «миром 1», по идее должен существовать и второй мир, мир наших психических состояний, который я буду называть «миром 2». Психофизическая проблема – это вопрос о взаимоотношениях между этими двумя мирами. Но есть еще «мир 3» – мир продуктов нашего человеческого сознания. Такими продуктами могут быть как физические вещи, например, скульптуры, изображения или картины, так и нематериальные объекты, например, пьесы, музыкальные произведения и, что, возможно, наиболее важно, наука и образование.

Мы не можем понять мир 2, т.е. мир, населенный нашими собственными состояниями сознания, без понимания того, что главная его функция — производить объекты мира 3 и подвергаться воздействию со стороны объектов мира 3. И связано это с тем, что мир 2 взаимодействует не только с миром 1, как полагал Декарт, но и с миром 3, а объекты мира 3 могут действовать на мир 1 только через посредство мира 2, который функционирует как посредник. Если же мир 2 функционирует как посредник между мирами 1 и 3, то психофизическая проблема в своем первоначальном виде

оказывается неполной: она должна быть расширена до проблемы взаимодействия между всеми тремя мирами.

Теперь вы можете понять, почему я сказал, что я не столько дуалист, сколько плюралист. Преобладающая же мода в философии есть мода на монизм, и так было на протяжении длительного времени. Модным было стараться свести первый мир ко второму. В настоящее время наиболее модной является форма монизма, называемая «бихевиоризмом». Согласно этой форме монизма, принять то, что я называю миром 2, значит ввести излишние усложнения, так как более просто и более удобно сказать, что существуют только физические вещи и физические состояния.

Один из приверженцев этой теории Уиллард Ван Орман Куайн говорит: «Состояния тела существуют в любом случае, зачем же добавлять еще и другие состояния?» Интересно, что очень похожие вопросы задавали философы вроде Беркли и Маха, которые говорили: «Ощущения существуют в любом случае, зачем же добавлять к ним материальные вещи?» Кому, однако, Куайн адресует этот вопрос? Нашим телам? Или нашим физическим состояниям? Или нашему поведению? Куайн нечто утверждает. А утверждения, я настаиваю, принадлежат миру 3. Утверждения могут быть поняты, восприняты. Но понимание или принятие есть дело мира 2: наши тела могут воспринять камень или палку, но они не могут принять или понять утверждение.

Объективное знание состоит из предположений, гипотез или теорий — обычно публикуемых в форме книг, журналов или лекций. Поэтому ясно, что объективное знание составляет часть мира 3 — мира продуктов сознания. Значит, рост объективного знания будет частью роста мира 3. А это дает нам ключ к пониманию того, как третий мир вообще может эволюционировать. С точки зрения биологической эволюции, он первоначально развивался из-за своей громадной ценности для выживания. Сознание эволюционировало вместе с миром 3 и вместе с объективным знанием. Так что мой подход к решению наших проблем и, в особенности, мой подход к миру 3 является биологически ориентированным: в нем используются эволюционные идеи.

Каким образом происходит рост нашего знания? Я считаю, что на основе метода проб и устранения ошибок, заключающего в себе четыре шага: $P_1 \rightarrow TT \rightarrow EE \rightarrow P_2$. Здесь P_1 обозначает проблему, которая у нас есть в самом начале. Это может быть как практическая, так и теоретическая проблема. TT (tentative theory) — это пробная теория, которую мы предлагаем для решения проблемы. EE (error elimination) — это устранение ошибок путем проверки теории в эксперименте или путем критической дискуссии. P_2 — проблемы, которые у нас есть в конце; проблемы, которые возникают в результате дискуссий или экспериментов. Прогресс, или достигнутый рост нашего знания, обычно можно оценить, как дистанцию между P_1 и P_2 .

Мы можем смотреть на рост знания как на борьбу за выживание между конкурирующими теориями. Если мы сравним сказанное с представлениями Дарвина о естественном отборе, то сможем увидеть громадные биологические преимущества, которые заключаются в способности самого третьего мира, мира объективного знания, эволюционировать.

О субъективном знании можно сказать, что многое в нем просто берется из знания объективного. Мы очень много узнаем, читая книги и учась в университетах. Но обратная ситуация уже не наблюдается: хотя объективное знание есть человеческий продукт, оно крайне редко пополняется из субъективного. Как правило, объективное знание есть результат конкуренции теорий, предлагавшихся для решения той или иной объективно существующей проблемы.

Мы можем описать все виды субъективного знания как заключающиеся в предрасположенности реагировать определенным образом в определенных ситуациях. У человека и у животных большинство способностей реагировать определенным образом на определенные ситуации являются врожденными. Что же касается не врожденных, а приобретенных способностей, то и они есть на самом деле результат использования или модификации способностей врожденных.

Я в самых общих чертах познакомил вас с теорией познания — но то, что я говорил, весьма сильно отличается от всего того, что до сих пор обычно преподносят вам как теорию познания. В большинстве своем философские теории познания по-прежнему являются до-дарвиновскими: они не рассматривают знание как результат естественного отбора. Я предложу вам сейчас шуточное изображение теории познания. Я называю ее «бадейной теорией познания», которая в истории философии хорошо известна как теория *tabula rasa*, или теория чистой доски, на которую заносится

данные опыта (рис. 1). Эта теория имеет своим началом вопрос: откуда я получаю знания? Ответ таков: я получаю знания при помощи моих чувств, т.е. при помощи глаз, ушей, носа и языка, через которые знание в меня (букв.: в мою бадью) проникает.

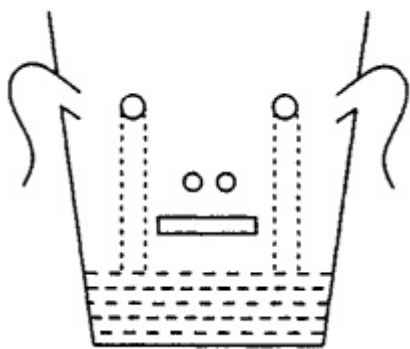

Рис. 1. Иллюстрация бадейной теории познания

Как я получаю знания при помощи чувств? Стимулы, идущие из внешнего мира, воздействуют на наши чувства и трансформируются в сенсорные данные, ощущения или восприятия. После получения множества стимулов мы начинаем распознавать в нашем сенсорном материале, в материале ощущений, то, с чем уже ранее сталкивались. Так становится возможным повторение ощущений, и путем повторения мы приходим к обобщениям, т. е. к осознанию правил и, путем выработки привычки, к ожиданию соответствий в наших ощущениях.

Такова, вкратце, теория, которая разрабатывалась и оттачивалась великими английскими философами Локком, Беркли и Юмом. Эти философы жили до Дарвина. И я не думаю, что после Дарвина кто-либо может быть вправе мыслить так, как мыслили они. Во-первых, на самом деле ожидания предшествуют выявлению сходных ощущений и их повторениям. Новорожденный ребенок и новорожденный теленок ожидают, что они будут накормлены. Они знают, как сосать, и ожидают, что им будет предложено нечто для сосания. Во-вторых, то, что ожидания предшествуют ощущениям, можно обосновать и логически: без врожденных предрасположенностей, например — способности к обучению, мы вообще не могли бы ничему научиться. В-третьих, есть дети, которые рождаются слепыми и глухими. Они не только могут научиться говорить при помощи тактильного языка, но могут стать и великими писателями, и совершенно полноценными людьми. Изучив язык, они могут, если можно так выразиться, воткнуть, вставить себя в третий мир. И тогда все три мира открываются перед ними. Решающий момент здесь — это врожденная предрасположенность научиться языку: она дает нам ключ к третьему миру.

Дискуссия. Я, возможно (я не знаю), единственный философ, который ненавидит определения. Я убежден, что определение само по себе есть логическая проблема, и что к этой проблеме присоединяют слишком много предрассудков. Считается, что термин не имеет значения, пока вы его не определили. Но можно легко показать, используя самое малое количество логических соображений, что это очевидная бессмыслица. Я не говорю, что определения не играют роли при решении тех или иных проблем, но я утверждаю, что для большинства проблем не имеет совершенно никакого значения, может или не может быть определен термин, или как он определен. Все, что важно, — так это то, что нам нужно прийти к пониманию. А определение, конечно, не есть способ понять (есть и иная точка зрения, см. [Определение – ключ к овладению понятием](#)).

Лекция 2. Автономия третьего мира

У мысли есть два значения – субъективное и объективное. Мысль в субъективном значении — это процесс мышления, который может широко различаться от случая к случаю и от человека к человеку. Мысль в объективном значении — это содержание определенного утверждения (предположения, высказывания), либо цепочка аргументов, либо ряд трудностей, которые составляют нерешенную проблему. Хотя все это может быть изобретено, обнаружено, открыто в определенное время, оно может быть осознано или субъективно понято в любое время после. Как относящаяся к третьему миру, мысль становится как бы «вне-временной». Но у нее есть своя история.

Например, мы можем изобрести такой способ наименования натуральных чисел, чтобы было можно, в принципе, всегда добавлять еще и еще одно, и так до бесконечности. Это наше изобретение, сделано вавилонянами. Но из этого изобретения следуют непредвиденные и неизбежные последствия, которые мы ни изобретаем, ни производим сами, но открываем. Например, существование четных и нечетных чисел, или делимых чисел и простых чисел, таких как 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29 и 31. Существование простых чисел вызвало много уже решенных и много еще нерешенных проблем. Например, проблема «Заканчивается ли когда-нибудь последовательность простых чисел, или же она длится до бесконечности?» была решена Евклидом. Хотя по мере нашего движения по числовому ряду простые числа возникают все реже и реже, их ряд никогда не заканчивается: им нет конца.

Проблемы, которые мы открываем, возникают как незапланированные последствия наших изобретений, которые входят в третий мир. Так что они только косвенно являются продуктами нашего сознания. Таких «обитателей» третьего мира, как открываемые нами проблемы, появляющиеся в этом мире сами по себе без нашего участия и неподвластные нашему контролю, я буду называть «автономными» продуктами. И надо сказать, что мир $\mathbb{Z}$, хотя он и возникает вместе с нами, обладает очень большой автономией. Может быть много автономных проблем, аргументов и теорем, о которых мы пока ничего не знаем, и мы можем никогда их не открыть.

Этот последний момент имеет решающее значение, поскольку он демонстрирует следующее: хотя мы сами положили начало геометрии и арифметике (или теории чисел), проблемы и теоремы могут существовать до того, как их кто-нибудь открыл. Так что они никак не могут принадлежать ко второму миру: они просто не могут быть состояниями сознания, субъективными мыслями.

Хотя различные сферы или области третьего мира возникают как человеческие изобретения, помимо них также возникают, в качестве их незапланированных последствий, автономные проблемы и возможные их решения. Они существуют независимо от чьего-либо осознания: они могут быть открыты нами в том же смысле, что и другие вещи, например — новые элементарные частицы или неизвестные горы и реки. Это значит, что взять из третьего мира мы можем больше, чем туда помещаем.

Эйнштейн однажды сказал: «Мой карандаш умнее, чем я». Что он имел в виду, конечно, — так это то, что записывая какие-то вещи и проводя подсчеты на бумаге, он часто мог получить результаты, превосходившие его ожидания. Можно сказать, что, используя карандаш и бумагу, он «подключал» себя к третьему миру, миру объективного знания. Так он делал свои субъективные идеи объективными. Как только они становились объективными, он мог связать их с другими объективными идеями, и так достичь отдаленных и непредвиденных результатов, значительно превосходящих пределы его исходных соображений.

Только человеку присущи способности эволюционировать экзосоматически путем создания инструментов за пределами тела, а не только эндосоматически посредством мутаций и развития новых и лучших органов. Вместо того, чтобы выращивать лучшие глаза и уши, мы «выращиваем» очки и слуховые аппараты, а вместо выращивания более быстрых ног мы «выращиваем» велосипеды, автомобили и самолеты. Так вот, есть животные, которые производят экзосоматические инструменты. Можно упомянуть паутину, птичьи гнезда, плотину бобров. Но никакое животное, кроме человека, не продуцирует ничего подобного объективному знанию.

Животное знание по своей сущности является эндосоматическим: оно состоит из врожденных или приобретенных предрасположений, и поэтому оно очень напоминает человеческое субъективное знание. Ясно, что дело тут заключается в особых характеристиках человеческого языка, позволяющих нам иметь экзосоматическое знание — знание, которое может быть вынесено за предел нас самих и которое поэтому может стать обсуждаемым, критически оцениваемым знанием.

Лекция 3. Третий мир и эмерджентная эволюция

Я считаю продукты человеческого сознания реальными: не только те, которые сами также являются физическими, как небоскреб или автомобиль, но даже книгу или теорию. Теорию саму по себе, абстракцию саму по себе считаю реальной, поскольку мы можем взаимодействовать с ней (мы можем создать теорию) и поскольку теория может взаимодействовать с нами. Этого в самом деле

достаточно, чтобы считать ее реальной. Она может действовать на нас: мы можем ее понять, можем ее использовать, и мы можем изменить мир при помощи теории.

Не может быть сомнения в том, что дарвиновская теория эволюции путем естественного отбора — это теория, огромная по своему значению. Нет сомнения, однако, также и в том, что эта теория, во многих отношениях, находится в неудовлетворительном состоянии. В ней есть некоторая неопределенность. Например, она оперирует наследственностью и изменчивостью. Теория принимает, с одной стороны, высокую степень стабильности наследственного материала, а с другой стороны — определенную степень его изменчивости. Оба предположения, несомненно, корректны. Но они позволяют всегда, когда нам это нужно, объяснить какой-то феномен как проявление стабильности, а какой-то другой — как проявление изменчивости. Но такое объяснение неудовлетворительно, даже если лежащие в его основе предположения несомненно правильны. Ведь это значит, что таким путем мы можем объяснить все что угодно.

Другая слабость этой теории такова. Дарвин пытался дать объяснение тому, что мы можем назвать «эволюционным ростом», т. е. постепенному возникновению (в течение длительного времени) высших форм организмов из более низших. Однако это утверждение — высшие формы в целом оказываются более приспособленными, чем низшие — по всем признакам является несостоятельным. Ссылка на приспособленность не обладает предсказательной силой. Ведь если вид, который пока выживает, т.е. пока приспособлен, в следующем поколении вымирает, то это значит, что он оказался не приспособленным к каким-то новым условиям среды. Отсюда с очевидностью следует, что приспособленность — это всегда приспособленность к имеющимся условиям, и все, что мы можем сказать, — это «То, что обладает приспособленностью здесь и сейчас, — это то, что выживает здесь и сейчас».

Теперь я при помощи нашей схемы $P_1 \rightarrow TT \rightarrow EE \rightarrow P_2$ утверждаю, что все организмы постоянно занимаются решением проблем. Очень рано в процессе развития жизни, на очень ранних стадиях эволюции организмов те из них, которые не решали проблемы, перестали существовать. Так что теперь есть только организмы, решающие проблемы.

Если вы представляете себе эволюционное древо, вы можете различить то, что биологи называют «филюмными группами»: семейство — род — вид — индивидуум. Я утверждаю, что каждая из таких групп решает проблемы, и, решая проблемы, все они проводят пробные испытания (ТТ), в каждой группе свои. При этом, решая какую-то проблему, они предпринимают пробные шаги, которые подлежат процедуре устранения ошибок. И затем всегда появляются новые проблемы. Я хочу предложить образное сравнение: «передовые отряды» адаптации индивидуума — это различные варианты поведения, которые им испытываются. Индивидуум использует, скажем так, эти варианты поведения в качестве своих передовых отрядов, при помощи которых он пытается завоевать окружающую среду, вторгнуться в нее. Так что варианты поведения — это экспериментальные модели, передовые отряды, используемые индивидуумом.

Я использую, расширяя теорию Дарвина, следующие идеи. Во-первых, мы не только ведем борьбу за существование, борьбу за выживание. У нас также есть конкретные проблемы, которые нам необходимо решать. Если вернуться к главному стволу эволюционного древа, то можно увидеть, что все формы, которые возникли в результате эволюции, являются современными передовыми отрядами, пытающимися каким-то образом завоевать среду, Землю и даже выйти за ее пределы.

Это — расширение дарвиновской идеи о том, что организмы постоянно вынуждены решать проблемы выживания. Согласно моей теории, есть множество проблем, которые не являются проблемами выживания. У организма может развиться предпочтение к определенному виду пищи, но он может быть способным выжить, используя другие виды пищи.

Если организму трудно отбросить эти предпочтения, то можно сказать, что у него развилась специализация: он специализирован теперь получать данную пищу. Эта специализация может оставаться традицией (но если это только традиция, то организм может от нее отказаться) или развиться в генетическую черту — иначе говоря, она может стать наследственным признаком.

Передовой отряд пробного поведения — это наш способ войти в нашу среду, завоевать ее. Так что поведение более важно, чем анатомия. Это, я думаю, пункт, который биологи упустили из виду. Если поведенческая черта или специализация сохраняется долго, становится традицией, то может

произойти то, что я называю «наследственным закреплением». Но когда эта черта станет наследственно закрепленной посредством мутаций, то эти мутации будут выполнять как раз ту роль, которую выполняла традиция. Возникнет совершенный способ решения какой-либо проблемы. На какое-то время наследственное закрепление действительно может дать животному преимущества, способствовать его выживанию. Но оно может обернуться смертельной ловушкой, если изменятся условия среды.

Можно предвидеть, что какой-то очень хорошо адаптированный вид, действительно очень успешный вид, вымрет при следующем существенном изменении условий среды, потому что он оказался слишком специализированным. Итак, в чем я отклоняюсь от Дарвина:

1. Мои проблемы очень специфичны, в то время как Дарвин говорит, в основном, о проблемах выживания.
2. Метод устранения ошибок — это не просто борьба за существование между индивидуумами, заканчивающаяся преждевременной гибелью некоторых из них. Он также включает, например, избегание тех видов поведения, которые оказались неуспешными в достижении определенной цели.
3. Теория эмерджентности, т.е. возникновения новых форм, такова: эти формы объясняются как пробные решения новых возникающих проблем.
4. Постоянно подчеркивается ведущая роль, которую в эволюции играет поведение и поведенческие открытия: поведение — настоящий передовой отряд эволюции.

Я буду говорить о традиции как о способе поведения, который не меняется в течение достаточно большого периода времени, несмотря на то, что с точки зрения генетического материала организму доступны другие способы поведения или решения проблем. И я скажу, что способ поведения становится генетически или наследственно закрепленным, если другие способы оказываются недоступными, т. е. если данный вид организмов приобретает генетическую специализацию. Каждое наследственное закрепление специализации обречено со временем стать летальным, даже если оно может быть крайне успешным в течение какого-то времени, и возможно, достаточно длительного.

Как с точки зрения этой истории выглядит старая дарвиновская проблема эволюционного роста? Прежде всего, становится ясно, что этот рост неправильно изображают. Нет таких вещей, как всеобщий эволюционный рост. Есть такая вещь, как тенденция к повышению вариативности, к созданию более и более дифференцированных видов, поскольку новые проблемы возникают и решаются, приводя опять к новым проблемам. Вместо того, чтобы говорить о высших организмах, мы можем говорить о более сложных организмах. А повышение сложности можно понимать, как последствие повышения вариативности, объяснимого в терминах теории эмерджентной эволюции.

Дискуссия. *Слушатель.* Я хочу знать, не критикуете ли вы дарвиновский тезис или гипотезу, как угодно, — на том основании, что она объясняет слишком много, а значит, неудовлетворительна?

Поппер. Предсказания, делаемые теорией Эйнштейна, очень точны. Ни одно предсказание, сделанное при помощи эволюционной теории, не будет настолько точным. Так вот, я думаю, что одно из преимуществ моей теории заключается в том, что она обладает хотя бы какой-то предсказательной силой — а именно возможностью предсказать, что, хотя наследственно закрепленная специализация может быть в какое-то время очень успешной, она должна исчезнуть при изменении условий.

Слушатель. Как это отличается от того, что утверждал Ламарк?

Поппер. По моей теории и по теории Дарвина ламаркизм ошибочен, так как поведенческие черты не наследуются. Они лишь стимулируют способ отбора, не наследственность как таковую, но способ отбора. Скажем так: то, что делает поведение — это создание новой экологической ниши! Новое поведение создает новую экологическую нишу, а затем давление отбора делает так, что ниша оказывается заполненной.

Лекция 4. Дескрипция, аргументация, воображение

Человека отличают от животных характерные особенности человеческого языка. Человеческий язык отличается от всех животных языков тем, что он служит как минимум двум функциям, которым животный язык не служит. Я назову эти функции «дескриптивной» или «информативной» и

«аргументативной» или «критической». Это типичные высшие функции, которые характерны только для человеческого языка.

Воображение человека может развиваться совершенно новыми путями. Ведь с изобретением дескриптивного языка человек обретает способность говорить нечто истинное и нечто неистинное: он может изобретать истории, сказки, мифы. Он, стало быть, получает способность изобретать что-то в своем воображении и таким путем строить совершенно новый мир. Правдивые сообщения могут объяснить, что произошло: «Олень умер, потому что я попал в него стрелой». Но для необъяснимого факта может быть придумана история: «Король умер, потому что Зевс поразил его молнией». Таким образом, становится возможным изобретение объяснительных теорий. Истории, мифы и объяснительные теории — это первые характерные обитатели третьего мира.

Хотя животные создают свой собственный третий мир, состоящий из животных языков, ни одно животное не производит ничего похожего на объективное знание. Все знание животных имеет вид предрасположенностей. И хотя некоторые предрасположенности развиваются путем подражания, — т.е. путем передачи традиции, которая, конечно, приближается к объективному знанию, — между этим и человеческим объективным знанием зияет пропасть.

Те специфически человеческие функции языка, которые делают возможным объективное знание, имеют у человека очень специфическую и специализированную наследственную основу.

Эволюция дала человеку что-то типично и специфически человеческое — наследственно закрепленный инстинкт приобретать, путем подражания, специфически человеческий язык, который служит носителем объективного знания.

Я различаю низшие и высшие функции человеческого языка. Низшими я называю те, которые, будучи всецело основанными на предрасположениях, являются общими для человеческого и животных языков. Высшими я называю те, которые являются специфически человеческими и формируют основание мира 3 (рис. 2).

Высшие лингвистические функции (основание мира 3):	Аргументативная или критическая функция
	Дескриптивная или информативная функция
Низшие лингвистические функции:	Коммуникативная функция
	Экспрессивная функция

Рис. 2. Лингвистические функции

Человеческий язык описателен (дескриптивен) в том смысле, что мы можем рассказать историю, которая истинна или ложна. А это приводит к различным логическим операциям отрицания или отклонения, т.е. к критике. Возникает большая проблема, почему дескриптивное использование языка оказалось, даже на его ранних стадиях, настолько биологически важным и успешным, что оно получило наследственное закрепление.

Никакой отдельный человеческий язык не передается по наследству: каждый язык и каждая грамматика закреплены традицией. Но желание, нужда, цель и способность или навык, необходимые для овладения грамматикой, все наследственны.

Лекция 5. Взаимодействие и сознание

Все, что говорилось о психофизической проблеме в прошлом, неудовлетворительно. И предложить что-то свое, я думаю, я имею право только в сопоставлении с некоторыми более ранними попытками решения данной проблемы. Например, солипсизм — это теория о том, что я, и только я один, существую. Согласно этой теории, весь остальной мир, включая всех вас, а также мое тело, — это плод моего воображения. Солипсизм, как и теория Беркли — называемая «идеализмом» — решают психофизическую проблему (проблему отношений между душой и телом), поскольку обе эти теории утверждают, что тел не существует. Но материализм, или физикализм, или радикальный бихевиоризм, тоже решает психофизическую проблему. Однако решает ее противоположным

способом. Такие теории утверждают, что не существует психики, что не существует ни психических состояний, ни состояний сознания. И они говорят, что нет разума, что есть только тела, которые ведут себя так, как если бы они были разумными, — например, производя более или менее разумные высказывания или, более точно, словесные шумы.

Эта теория, как и солипсизм, неопровержима. Но снова против нее находится аргумент *ad hominem* (к человеку). Можно спросить физикалиста: «Кому ты адресуешь свою теорию? Моему телу? Или моему более или менее разумному поведению? Твоей целью является получение от меня высказывания? Твоей целью, вероятно, не может быть убедить меня. В лучшем случае твоей целью может быть заставить мое тело произвести более или менее разумные словесные шумы: «Ты меня убедил». Но ради чего вся эта суета вокруг вербального поведения?»

Физикализм отрицает очевидное — он отрицает существование психических состояний, или сознания. Есть несколько конкурирующих теорий, которые не отрицают очевидное существование психических состояний. Во-первых, есть теория Декарта, которая утверждает, что психические состояния и физические состояния взаимодействуют. Его теория поэтому называется «интеракционизмом». Поскольку физические состояния локализованы в месте и времени, возникает вопрос, в каком месте происходит взаимодействие. Альтернативной является теория о том, что физические и психические состояния не взаимодействуют, но являются параллельными друг другу. Эта теория называется «психофизическим параллелизмом».

Есть еще одна теория — «эпифеноменализм», утверждающая, что сознания действительно существуют, но как эпифеномены (побочные продукты). Эпифеноменализм разделяет с параллелизмом убеждение в том, что мир физики завершен — или, в других словах, что в принципе все, что может быть объяснено, может быть объяснено в физических терминах. Именно с этим убеждением в завершенности физического мира я пытаюсь бороться при помощи моей теории третьего мира.

Объективные проблемы, существующие в третьем мире, вкуче с тем фактом, что открытие такой проблемы может привести к колоссальным и очевидным изменениям в первом мире, показывают, что мир 1 не замкнут или завершен, но он открыт миру 3, а мир 2 работает как посредник между ними. Если это так, то сознание не может быть несущественным эпифеноменом.

Говорить о теле и сознании в некотором роде обманчиво, потому что есть много различных видов и уровней сознания в животном царстве. Многие из низших уровней могут иногда быть обнаружены в нашем собственном опыте — например, в сновидениях или во время гипноза. Мое второе предположение таково. Можно различать ясное сознание, т.е. высшую форму человеческого сознания — и низшие формы, которые могут широко варьировать.

Отношение между психическими состояниями и физическими состояниями, согласно моей теории, в своих основах то же самое, что и отношение между контролирующими системами и контролируемыми системами, особенно с наличием обратной связи между контролируемой и контролирующей системами. Это, иными словами, взаимодействие.

Лекция 6. «Я», рациональность и свобода

Мой центральный тезис заключается в том, что «Я», или эго, укоренено в третьем мире, и что оно не может существовать, если нет мира 3. Наши «Я», высшие функции языка и мир 3 возникли и эволюционировали вместе, в постоянном взаимодействии. Я отрицаю, что у животных могут быть состояния ясного сознания, или что у них есть сознающее «Я». «Я» развивается вместе с высшими функциями языка, дескриптивной и аргументативной. У животных имеется высокоразвитое чувство пространства и времени. Но чего им недостает (это все мои предположения, конечно) — так это способности видеть самих себя как протяженных во времени и пространстве и как действующих во времени и пространстве.

В эволюции вида «Я», или эго, или самосознание, возникает вместе с высшими функциями языка, — т.е. дескриптивной и аргументативной функциями — и взаимодействует с ними. В развитии ребенка его «Я», или эго, или самосознание, развивается вместе с высшими функциями языка, а значит — после того, как ребенок научается выражать себя, коммуницировать с другими людьми, понимать свое отношение к ним и согласовывать свои движения с окружающей физической средой.

Я рационалист. Это значит, что я пытаюсь указать на важность рациональности для человека. Но как все мыслящие рационалисты, я не утверждаю, что человек является рациональным. Рациональность — это не свойство человека, как и не факт о человеке. Это цель, которой человек должен стремиться достичь — чрезвычайно трудная для достижения цель. Я имею в виду под «рациональностью» установку на сознательное, критичное устранение ошибок. Однако, этой установки трудно достичь, что накладывает на нашу рациональность большие ограничения. Дело также не в том, что мы не столько разумные, сколько чувствующие животные. Любая критическая оценка не окончательна — даже революционная критика, отвергающая или перестраивающая преобладающую научную теорию.

Наиболее интересный пример, вероятно, — это пример с Эйнштейном, который рассматривал некоторые сложности в сформулированной Максвеллом теории электромагнитного взаимодействия движущихся тел. Эйнштейн обнаружил, что он может решить свою проблему, поставив под вопрос молчаливое предположение, никогда ранее не замечавшееся, о том, что одновременность есть абсолютное понятие. Эйнштейн показал, что (и почему) одновременность должна быть отнесена к так называемой «инерциальной системе». Вот такую крайне сложную поправку, по Эйнштейну, надо было сделать к совершенно очевидному и до того эксплицитно никогда не формулировавшемуся предположению, относящемуся к тому, что я называю «фоновым знанием». Эта поправка имела революционное значение. И этот пример можно использовать для иллюстрации невозможности критической оценки всего нашего знания сразу.

Определить, какой элемент нашего знания — возможно, нашего фонового знания — нужно обвинить в той или иной трудности или нестыковке, — это настоящая загадка для нашего разума, для нашего критического воображения. Поскольку большая часть нашего субъективного знания врожденна или же закреплена традицией, — а поэтому имеет вид предрасположенностей — она также не является эксплицитно сформулированной. Все это показывает, что наша критика может быть только частичной, и, стало быть, на нашу рациональность, т. е. на возможность критики, накладываются определенные ограничения.

Революционная идея, однажды сформулированная Платоном, — что мы должны очистить наш разум, что мы должны полностью стереть наше знание и начать с самого начала, неосуществима. Если бы нам приходилось начинать там же, где и Адам, то с какой стати мы продвинулись бы дальше, чем он? Нам нужно быть скромными и осознавать нашу подверженность ошибкам, и нужно помнить дерзкий, но всегда пробный способ продвижения, при помощи которого жизнь завоевывает новые условия среды и создает новые миры при помощи пробных шагов. На этом пути мы обособили себя от полусознательного (semiconscious) мира животных. На этом пути мы достигли ясного сознания. На этом пути мы изобрели науку. И на этом пути мы продвинулись в науке, все более и более приближаясь к истине.

Здесь, видимо, надо сделать несколько критических замечаний о том, что я называю «мифом концептуального каркаса». Довольно распространенная форма мифа концептуального каркаса утверждает, что все дискуссии или споры между людьми, которые работают в разных концептуальных каркасах, тщетны и беспредметны, поскольку любая рациональная дискуссия может проходить только внутри определенной системы допущений.

Я считаю распространенность этого мифа одним из великих интеллектуальных зол нашего времени. Он подрывает единство человечества, так как догматично утверждает, что, в целом, невозможна рациональная или критическая дискуссия, кроме как между людьми, придерживающимися почти идентичных взглядов. Вряд ли есть мифы более разрушительные, чем этот. Ведь альтернатива по отношению к критической дискуссии — это насилие и война, поскольку единственная альтернатива по отношению к насилию и войне — это критическая дискуссия. Однако, в том, что миф концептуального каркаса очевидно ошибочен.

Это значит, что тот, кто отстаивает один концептуальный каркас, может критиковать другой. А мы, как наблюдатели, можем попытаться сформировать рациональное суждение о том, какой концептуальный каркас вырабатывает лучшие критические аргументы, чем другие, и какой может более успешно бороться с критикой со стороны других. Фактически, нет принципиальной разницы между концептуальным каркасом и теорией.

Концептуальный каркас может быть изучен, понят и критически оценен посторонним человеком. Это делает возможной конкуренцию между концептуальными каркасами. В любой момент нашего умственного развития мы, скажем так, заключены в концептуальный каркас и в язык. Концептуальный каркас и язык существенно ограничивают наше мышление. Но в любой момент мы можем выйти из заключения, проведя критическую оценку нашего концептуального каркаса и приняв более широкий и более близкий к истине концептуальный каркас, а также более богатый и менее догматичный язык.

Фактически, история цивилизации показывает, насколько плодотворным может быть такое столкновение культур. Наша западная цивилизация — результат ряда столкновений, таких как множественные столкновения греческой и восточных культур. История одного из таких столкновений рассказана Гомером, другая история — Геродотом, и обе наполнены ясным сознанием важности описываемых событий. Ранние столкновения способствовали возникновению греческой науки и греческой рациональности, т. е. к появлению у древних греков любви к критической дискуссии.

Мы всегда находимся под властью наших предубеждений, или нашего каркаса допущений. Но мы можем, при помощи предоставляемого нам миром 3 способа вынесения наших теорий и допущений вовне — или ясной их формулировки, делающей возможной их критику, — мы можем всегда высвободиться из этой тюрьмы путем рациональной критики.

Когда мы сталкиваемся с объектом третьего мира, например — с теорией, первой нашей задачей является ее понять. Но понимание теории не означает ее принятия. Ни того, что мы сочтем ее лучшей из конкурирующих теорий. Фактически, прежде чем мы сформируем суждение о предпочтительности одной теории по отношению к некоторым другим теориям, мы должны понять их все.

Чтобы понять, о чем теория, сначала надо понять проблемы, которые теория пытается решить. И надо понять разные пути, которые опробовались ради решения данных проблем, т. е. разные конкурирующие теории. И, конечно, остаются более высокие степени понимания, такие как обнаружение того, в чем состоят трудности различных теорий, — т. е. обнаружение новых проблем P_2 , к которым они приводят, — и как с ними можно столкнуться.

Мой главный тезис состоял в том, что все наши «Я» укоренены в третьем мире. Но способ такого укоренения допускает широкий спектр возможностей. Что бы мы ни делали, мы занимаемся исследованием и привносим что-то в третий мир. А это означает не только свободу, но и огромную ответственность.

Согласно теории самовыражения, качество работы, которую мы выполняем, зависит от нашего состояния. Оно зависит только от нашего таланта, от нашего психологического и, возможно, физиологического состояния. Я считаю это ложной, порочной и упадочной теорией. Согласно теории третьего мира, здесь нет такого простого отношения. Напротив, здесь есть отношение взаимовлияния, взаимодействия между человеком и тем, что он делает. Можно что-то делать и тем самым совершенствоваться.

Между нами и третьим миром есть постоянная обратная связь. Такая обратная связь может быть существенно усилена путем сознательной самокритики. Самое поразительное в жизни, в эволюции, в умственном росте — это как раз взаимный обмен, взаимодействие между нашими действиями и их результатами, позволяющее нам постоянно превосходить самих себя, наш талант, наши способности.

Процесс обучения — рост нашего субъективного знания — в основах своих всегда одинаков. Он состоит в критике, использующей творческое воображение. Вот как мы переходим границы нашего пространственно-временного окружения, пытаюсь думать о том, что имеет место за пределом нашего опыта: пытаюсь найти, сконструировать, изобрести и предвосхитить новые ситуации, — т. е. проверочные ситуации, критические ситуации, — и пытаюсь локализовать, выявить и испытать наши предрассудки и привычные допущения.

Работы Карла Поппера, изданные на русском языке

Карл Поппер. [Логика научного исследования](#). — М.: АТС: Астрель, 2010. — 576 с.

Карл Поппер. [Объективное знание. Эволюционный подход](#). — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 384 с.

Карл Поппер. [Открытое общество и его враги](#) (в 2-х томах). — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 448+528 с.

Карл Поппер. [Что такое диалектика?](#) // Вопросы философии. — 1995. — №1. — С. 118–138.

Карл Поппер. [Предположения и опровержения: Рост научного знания](#). — М.: ООО «Издательство АСТ», 2008. — 640 с.

Карл Поппер. [Все люди – философы](#). — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 104 с.

Карл Поппер. [Неоконченный поиск. Интеллектуальная автобиография](#). — М.: Праксис, 2014. — 304 с.

Карл Поппер. [Нищета историцизма](#). — М.: Издательская группа «Прогресс», VIA, 1993. — 188 с.

Карл Поппер и его критики. [Эволюционная эпистемология и логика социальных наук](#). — М.: Эдиториал УРСС, 2008. — 462 с.

Вадим Садовский. [Карл Поппер и Россия](#). — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 280 с.